

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

РОССИЯ, 191025 Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 53, Телефон/факс: (+7) (812) 713-14-03, 713-15-89

УТВЕРЖДЕН
решением Комиссии Совета
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по защите профессиональных прав адвокатов
(протокол № 1/23 от 31.01.2023)

ОБЗОР
практики рассмотрения обращений Комиссией по защите
профессиональных прав адвокатов Совета АП Санкт-Петербурга
за 2022 год

Всего за 2022 г. в Комиссию Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов поступило 77 обращений, большинство из которых были связаны с недопусками к доверителям, вызовами на допросы, незаконными обысками. В большинстве рассмотренных случаев Комиссия установила факты нарушения профессиональных прав адвокатов.

Практика работы Комиссии вместе с тем показала, что адвокаты Санкт-Петербурга встречаются с нестандартными ситуациями, при которых достаточно часто возникают нарушения профессиональных прав. Предлагаемый обзор содержит краткое описание вопросов, по которым Комиссией было сделано заключение в связи с поступившими обращениями.

В данном обзоре приведены выводы Комиссии по 15 наиболее интересным обращениям адвокатов. Примеры сгруппированы в зависимости от результатов рассмотрения обращений на три группы – нарушение прав адвоката установлено, нарушение прав адвоката не установлено, установлена угроза нарушения прав корпорации.

I. Обращения, в которых Комиссией установлены нарушения профессиональных прав адвокатов

1. Размещение на сайте организации, оказывающей юридические услуги, сведений об адвокатах без их согласия является нарушением профессиональных прав адвокатов.

В Комиссию обратился адвокат Л. с просьбой оказать содействие в пресечении незаконной деятельности сайта spb.vce-yuristi.ru. По его словам, данный сайт не имеет отношения к деятельности заявителя. Кроме того, на сайте размещены не соответствующие действительности и вводящие в заблуждение потенциальных доверителей сведения о работе заявителя в г. Алма-Ата (Казахстан).

При осмотре сайта Комиссией было установлено, что на нем размещена информация о ряде лиц, осуществляющих юридическую деятельность через указанный сайт. Заявитель указан на сайте как «юрист».

Комиссией были даны адвокату необходимые рекомендации и оказано содействие в составлении и подаче заявления в Управление федеральной антимонопольной службы по г. Санкт-Петербургу о недобросовестной конкуренции.

По итогам его рассмотрения УФАС по г. Санкт-Петербургу выдало владельцу сайта – ООО «ГЛОБАЛ» предупреждение о прекращении действий, которые содержат признаки нарушения ст. 14 ФЗ «О защите конкуренции». Обществу надлежало изъять из публичного доступа с сайта информацию о лицах, которые не осуществляют деятельность в области права посредством этого сайта.

Общество уведомило УФАС по г. Санкт-Петербургу о выполнении предупреждения. Общество сообщило, что сведения о заявителе были удалены с сайта.

2. Решение суда об «отстранении» адвоката от дальнейшего участия в уголовном деле является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию поступило обращение адвоката Г. о нарушении её профессиональных прав. Из обращения адвоката Г. и приложенных материалов следует, что с 15 мая 2022 года она на основании соглашения осуществляла защиту гражданина М. при рассмотрении уголовного дела в Калининском районном суде Санкт-Петербурга под председательством судьи Ольшевской Ю.Л.

В судебном заседании 04 июля 2022 года судья Ольшевская Ю.Л. приняла решение отстранить адвоката Г. от участия в уголовном деле со следующей формулировкой: «Руководствуясь статьями 256, 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, суд на месте постановил в связи с грубым, постоянным, неоднократным нарушением защитником порядка судебного заседания, неоднократным, систематическим неподчинением распоряжениям председательствующего, несмотря на предупреждения о недопустимости подобного поведения, приглашение пристава для обеспечения порядка в судебном заседании, неоднократное объявление перерыва в судебном заседании, которые не оказали надлежащего воздействия на защитника Г., отстранить её от дальнейшего участия в данном уголовном деле, о чём сообщить в адвокатскую палату».

Комиссия пришла к выводу, что решением об отстранении адвоката Г. от дальнейшего участия в уголовном деле судья Ольшевская Ю.Л. незаконно воспрепятствовала профессиональной деятельности адвоката Г.

Статья 72 УПК РФ содержит закрытый перечень обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу. При установлении таких обстоятельств защитник подлежит отводу на основании постановления должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело.

К числу обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу, не относится нарушение порядка в судебном заседании и неподчинение распоряжениям председательствующего. Кроме того, уголовно-процессуальным законом не предусмотрена такая мера воздействия в отношении защитника, как «отстранение от дальнейшего участия в уголовном деле».

Закон устанавливает, что в случае неподчинения защитника распоряжениям председательствующего суд должен принять решение об отложении судебного заседания (при условии невозможности заменить этого защитника другим) и сообщить о допущенном защитником нарушении в адвокатскую палату, которая в силу принципа независимости адвокатуры является единственным органом, уполномоченным на привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, судья Ольшевская Ю.Л., приняв решение об отстранении адвоката Г. от дальнейшего участия в уголовном деле, фактически применила к адвокату меру воздействия, которая не предусмотрена уголовно-процессуальным законом.

Обстоятельств, исключающих участие адвоката Г. в производстве по уголовному делу, не имеется.

Кроме того, как следует из имеющихся материалов, судья Ольшевская Ю.Л. отстранила адвоката Г. от дальнейшего участия в уголовном деле фактически за выраженное адвокатом Г. несогласие с действиями председательствующего. При этом адвокат Г. высказывала свои возражения на действия председательствующего в строгом соответствии с требованиями части 3 статьи 243 УПК РФ.

Таким образом, суд фактически привлёк адвоката Г. к ответственности за выраженное ею мнение, что является абсолютно недопустимым.

Комиссией было подготовлено обращение о недопустимости подобных действий со стороны судьи председателю Санкт-Петербургского городского суда от имени Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, инициировано опубликование сведений об отстранении адвоката Г. от участия в уголовном деле в Новой адвокатской газете. Адвокату Г. было рекомендовано обратиться в квалификационную коллегия судей с жалобой на действия судьи Ольшевской Ю.Л., а также проинформировать о сложившейся ситуации председателя Калининского районного суда Санкт-Петербурга.

3. Незаконное привлечение адвоката к административной ответственности в связи с оказанием им юридической помощи доверителю является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию обратился адвокат К., который был привлечен к административной ответственности по части 2 статьи 19.3 КоАП РФ за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника учреждения уголовно-исполнительной системы, а именно за то, что не сдал дежурному на КПП ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области электронное устройство – планшет. Вследствие задержания и длительного оформления протокола об административном правонарушении К. не смог участвовать в следственных действиях, вынужден был принести следователю извинения, а также в дальнейшем его подзащитный отказался от его услуг.

Решением Колпинского районного суда Санкт-Петербурга постановление по делу об административном правонарушении отменено в связи с тем, что протокол об административном правонарушении составлен неуполномоченным на то лицом – оперуполномоченным Ненашевым А.С., тогда как протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных части 2 статьи 19.3 КоАП РФ, полномочны составлять лишь начальники следственных изоляторов.

У Комиссии не было оснований сомневаться как в отсутствии у К. умысла на неповиновение законному требованию сотрудника следственного изолятора сдать на хранение электронные устройства, так и в том, что Заявитель посещал следственный изолятор именно для оказания своему доверителю квалифицированной юридической помощи.

По мнению Комиссии, привлечение адвоката к административной ответственности, вне зависимости от того, по каким именно основаниям – фактическим или процессуальным – постановление по делу об административном правонарушении отменяется судом с прекращением производства по делу об административном правонарушении, надлежит считать нарушением профессиональных прав адвоката.

Кроме того, любые незаконные действия и решения, предпринимаемые или принимаемые в отношении адвоката, если они взаимосвязаны с выполнением адвокатом своих профессиональных функций, если они создали хоть малейшее препятствие в оказании адвокатом квалифицированной юридической помощи, нарушают профессиональные права адвоката уже в силу самой незаконности этих действий и решений, даже если они не повлекли серьезных последствий.

Информация о данном нарушении включена в обзорную справку о нарушениях профессиональных прав адвокатов сотрудниками системы ФСИН для подготовки обращения от имени АП Санкт-Петербурга о недопустимости повторения подобных ситуаций.

4. Недопуск адвоката в СИЗО к своему доверителю на основании заявленного начальнику изолятора отказа от помощи защитника нарушает профессиональные права адвоката.

Адвокат Н. обратилась в Комиссию после того, как сотрудники ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области не допустили её к подзащитному, объяснив это тем, что он «отказался от адвокатов». Позже Н. получила от начальника СИЗО копию рукописного отказа доверителя от услуг троих адвокатов, в том числе самой Н., а также от услуг «других адвокатов, соглашения с которыми [им] не заключались».

Комиссия при вынесении решения учитывала, что представленное Н. заявление её подзащитного об отказе от услуг адвокатов адресовано не лицам, ведущим уголовное судопроизводство (следователю или суду), а начальнику ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, не имеющему предусмотренных уголовно-процессуальным законом полномочий принимать отказ от защитника.

В указанном заявлении заявлен отказ как от услуг Н. и иных вступивших в дело защитников, так и от услуг любого иного адвоката, с которым лично обвиняемый не заключал соглашения, в будущем. В данном заявлении нет никаких отметок, которые указывали бы на то, что оно составлено в присутствии кого-либо из защитников, от услуг которых доверитель отказывается.

В связи с этим Комиссия не посчитала такое заявление невынужденным отказом от услуг Н., указав, что и сама Н. не могла проверить основания и соблюдение процедуры отказа подзащитного от её помощи без фактического допуска к нему.

Соответственно, отказ в допуске Н. к её подзащитному на территорию следственного изолятора являлся произвольным, не основанным на законе и нарушающим право адвоката беспрепятственно встречаться со своим доверителем.

Информация о данном нарушении включена в обзорную справку нарушений профессиональных прав адвокатов сотрудниками системы ФСИН для подготовки обращения от имени АП Санкт-Петербурга о недопустимости повторения подобных ситуаций.

5. Отказ в допуске к подзащитному, применение физической силы к адвокату является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию поступили обращения адвокатов П. и К. о нарушении их профессиональных прав, в связи с их недопуском к доверителям в течение непродолжительного времени в один и тот же отдел полиции.

Из обращения адвоката К. следует, что она прибыла в 31 отдел полиции УМВД России по Кировскому району Санкт-Петербурга с целью оказания юридической помощи задержанному. Не представившийся сотрудник полиции, находившийся во дворе отдела, сообщил адвокату К. через закрытые ворота о необходимости ожидать допуска к задержанным, так как в настоящий момент «идет распределение по отделам полиции». На вопрос адвоката К., когда именно ей будет дана возможность встретиться с подзащитным, указанный сотрудник ответить не смог. Адвокат К. обратилась по телефону в службу «112» и сообщила, что ее не допускают к задержанному. Позже один из сотрудников полиции сообщил адвокату К., что она может быть допущена к задержанному доверителю лишь с разрешения начальника 31 отдела полиции УМВД России по Кировскому району Санкт-Петербурга.

После этого из здания отдела вышел мужчина в гражданской одежде, который разговаривал с сотрудниками полиции на повышенных тонах, из чего адвокат К. заключила, что он является начальником отдела полиции. Адвокат К. сообщила указанному мужчине, что она является адвокатом, и ей необходимо встретиться со своим доверителем.

Мужчина в грубой форме ответил, что не допустит адвоката К. в отдел, после чего вышел к ней через ворота, схватил за руку и потянул внутрь двора. При этом он угрожал адвокату К., что в отношении нее будет возбуждено уголовное дело по статьям 318, 319 УК РФ, так как она якобы оскорбила сотрудника полиции и поцарапала его, угрожал ударить ее, после чего отобрал удостоверение и ордер, разорвал ордер и попытался разорвать удостоверение адвоката, силой отобрал у адвоката К. телефон, требуя разблокировать его, и приказал стоящему рядом сотруднику полиции вынести из отдела полиции какой-нибудь плакат, чтобы сфотографировать адвоката К. с плакатом и составить в отношении нее протокол об административном правонарушении за участие в митинге.

Из-за произошедшего адвокат К. почувствовала себя плохо и сообщила об этом угрожавшему ей сотруднику полиции, после чего он отвел ее в сторону, извинился, а также сообщил, что увидеть своего доверителя и оказать ему квалифицированную юридическую помощь она сможет только в суде на следующий день.

Из обращения адвоката П. следует, что адвокат П. совместно с другим адвокатом К. прибыли в 31 отдел полиции УМВД России по Кировскому району города Санкт-Петербурга с целью оказания юридической помощи задержанной по делу об административном правонарушении. По прибытии адвокаты по видеофону попросили допустить их к подзащитной. Дежурный в доступе отказал, сославшись на приказ начальника отдела полиции Кириченко А.В.

Адвокаты сообщили о случившемся по телефону 112 и на горячую линию ГУ МВД России по городу Санкт Петербургу и Ленинградской области и повторно попытались пройти в отдел полиции. Дежурный снова отказал в доступе, после чего адвокат П. заявил дежурному о намерении подать заявления о незаконных действиях сотрудников полиции, для чего потребовал доступа в дежурную часть отдела полиции. Вскоре из отдела вышел сотрудник в форме полковника полиции (как выяснилось позднее, это был Кириченко А.В.), открыл калитку и схватил адвоката К-на., выбил телефон из его рук, после чего стал надевать на К-на. наручники совместно с другим сотрудником полиции. Адвокат П. также был задержан, обыскан, у него изъяли личный телефон и удостоверение адвоката.

Полковник Кириченко А.В. на повышенных тонах указывал адвокату П., что подзащитной нельзя помогать, угрожал возбуждением в отношении него уголовного дела по статьям 318, 319 УК РФ, а также дела о правонарушении по статье 19.3 КоАП РФ. Полковник заявлял, что адвокаты П., К-н. якобы «напали на отдел полиции и на него лично», что адвокат П. участвовал в несанкционированной акции и должен сидеть вместе с подзащитной в камере, угрожал принести плакат, изъятый у задержанных и сфотографировать с ним адвоката. В книгу регистрации доставленных в отдел полиции запись о задержании адвокатов П., К-н не вносилась. Позже Адвокату П. позволили увидеть задержанную, после чего адвокаты П., К-н. покинули отдел полиции.

В соответствии с частью 1 статьи 48 Конституции РФ, п. 56 Обзора судебной практики Верховного суда РФ № 3 за 2018 год каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод.

В соответствии с частью 1 статьи 18 Федерального закона от 31 мая 2002 года N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются.

В статье 25.5 КоАП РФ указано, что для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в производстве по делу об административном правонарушении может участвовать защитник. Защитник допускается к участию в производстве по делу об административном правонарушении с момента возбуждения дела об административном правонарушении.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» полиция осуществляет свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина. Сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции пресекает действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание.

Комиссия, с учетом вышеизложенных норм установила, что в указанных случаях имеются нарушения профессиональных прав адвокатов П. и К. выразившиеся как в недопуске к задержанным лицам, так и в необоснованном применении к ним физической силы со стороны сотрудников полиции.

Комиссией подготовлены обращения от имени Совета палаты в прокуратуру и следственный комитет. Адвокатам рекомендовано обжаловать незаконные действия сотрудников 31 отдела полиции УМВД России по Кировскому району города Санкт-Петербурга в части допуска к подзащитным, подать заявление о возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц 31 отдела полиции УМВД России по Кировскому району города Санкт-Петербурга.

6. Отказ сотрудника канцелярии суда выдать адвокату, представляющего доверителя на основании ордера, копию решения в связи с отсутствием доверенности, является нарушением профессиональных прав адвоката.

В Комиссию поступило обращение адвоката Ф. о предполагаемом нарушении его профессиональных прав. В обращении адвокат сообщил о том, что он представляет интересы доверителя по гражданскому делу, находящемуся в производстве судьи Калининского районного суда Санкт-Петербурга, на основании заключенного между ними соглашения. В деле имеется ордер, выданный адвокату на представление интересов доверителя.

Заявитель явился в канцелярию указанного суда с целью получить копию решения на руки. Однако, сотрудники канцелярии копию решения суда выдать отказались по причине отсутствия у Заявителя доверенности от доверителя. Письменный отказ для его последующего обжалования Заявителю сотрудники канцелярии выдать также отказались.

Комиссия установила нарушение профессиональных прав адвоката Ф., указав следующее.

Статьи 48, 49 ГПК РФ устанавливают право граждан вести свои дела в суде через представителей, которыми могут выступать адвокаты. При этом адвокаты должны представить суду документы, удостоверяющие статус адвоката в соответствии с федеральным законом и их полномочия. Часть 5 статьи 53 ГПК РФ устанавливает, что право адвоката на выступление в суде в качестве представителя удостоверяется ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. В соответствии с пунктом 2 статьи 6 Закона об адвокатуре, в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности.

Из содержания части 1 статьи 54 ГПК РФ следует, что представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Однако, право представителя на совершение определенных действий, перечисленных в данной статье, должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.

Поскольку получение судебного акта не является специальным полномочием, прямо предусмотренным пунктом 1 статьи 54 ГПК РФ, то получение судебного акта адвокатом, действующим по ордеру, является его правом как представителя. Таким образом, отказ ответственного сотрудника канцелярии Калининского районного суда Санкт-Петербурга выдать адвокату копию решения нарушает как право доверителя на получение квалифицированной юридической помощи, так и профессиональное право адвоката на представительство в суде на основании ордера.

Комиссией также был подготовлен проект обращения от имени Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга на имя председателя Санкт-Петербургского городского суда о необходимости разъяснения работникам аппаратов судов города Санкт-Петербурга о необходимости соблюдения требований законодательства и профессиональных прав адвокатов.

7. Конфиденциальное общение адвоката с подзащитным представляет собой непосредственный контакт между ними и может носить как вербальный, так и письменный характер.

В Комиссию поступило заявление адвоката Н., в котором адвокат указала, что посетила в СИЗО доверителя З. (на основании соглашения на свидание). Во время свидания адвокат Н. и доверитель делали записи на чистых листах бумаги. Записи делались в вопросно-ответной форме в виде тезисов с целью соблюдения конфиденциальности. После окончания свидания доверитель оставил адвокату необходимые записи для дальнейшего анализа ситуации. Далее доверителя увели, а адвоката оставили в кабинете, где сотрудники изолятора заявили, что у адвоката Н. остались листы бумаги, на которых доверитель осуществлял записи, и потребовали им их передать. Передать бумаги адвокат отказалась, ссылаясь на то, что записи носят конфиденциальный характер и содержат адвокатскую тайну, а также то, что данные записи не подлежат цензуре. Тем не менее, сотрудники изолятора изъяли документы. При этом сотрудниками СИЗО без согласия адвоката осуществлялась видеосъемка.

Комиссия установила нарушения профессиональных прав адвоката и указала следующее.

Федеральный законодатель, закрепляя в УПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», конфиденциальный характер отношений, складывающихся в процессе оказания адвокатом юридической помощи, исходил из недопустимости осуществления цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) в качестве общего правила.

Целевое назначение регулирования отношений, возникающих по поводу цензуры корреспонденции обвиняемых и подозреваемых, содержащихся под стражей, - предотвращение преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, выполненных тайнописью, шифром, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу.

Именно и только в этих целях администрация следственного изолятора вправе осуществить цензуру переписки подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своим адвокатом (защитником), при условии, что имеются достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер.

В таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

Конфиденциальное общение адвоката с подзащитным представляет собой непосредственный контакт между ними и может носить как вербальный, так и письменный (для повышения уровня конфиденциальности) характер.

Такая коммуникация может включать в себя предоставление друг другу проектов процессуальных документов, непосредственную их правку, письменные вопросы и ответы на них.

Комиссия, указала, что в данном случае имеются нарушения профессиональных прав адвоката Н., выразившиеся в нарушении общего правила конфиденциального характера отношений, складывающихся в

процессе оказания адвокатом юридической помощи; недопустимости осуществления цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками); проведении перлюстрации рабочих записей адвоката без достаточных и разумных оснований о наличии в переписке недозволенных вложений либо подозрений в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер; отсутствии мотивированного решения администрации следственного изолятора об осуществлении цензуры и письменной фиксации хода и результата соответствующего действия.

Комиссия также рекомендовала адвокату запросить в СИЗО видеозапись изъятия у нее рабочих записей и обжаловать незаконные действия сотрудников в части нарушения конфиденциального характера отношений адвоката и подзащитного и отсутствия письменной фиксации хода и результата соответствующего действия.

Информация о данном нарушении включена в обзорную справку о нарушениях профессиональных прав адвокатов сотрудниками системы ФСИН для подготовки обращения от имени АП Санкт-Петербурга о недопустимости повторения подобных ситуаций.

8. Проведение обыска в жилище адвоката, без постановления суда о разрешении производства обыска, без участия представителя адвокатской палаты, является нарушением профессиональных прав.

Адвокат Б. обратилась в Комиссию, сообщив, что в её жилом помещении, в котором зарегистрирована только она, был проведен обыск без вынесения судебного решения. Обыск производился в связи с деятельностью компании, генеральный директор которой проживал совместно с ней.

Адвокатом Б. перед началом обыска до сведения следователя было доведено, что она является действующим адвокатом, было предоставлено удостоверение адвоката. Также адвокатом было пояснено, что в квартире находятся документы, составляющие адвокатскую тайну. Тем не менее, обыск был проведен, более того, при производстве обыска был проверен жесткий диск компьютера, на котором хранились сведения, составляющие адвокатскую тайну, а также исследованы документы по одному из адвокатских производств. По окончании следственного действия копию протокола обыска адвокату не вручили.

Согласно части 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», части 1 статьи 450.1 УПК РФ, а также как следует из Постановления Конституционного Суда РФ № 33-П от 17 декабря 2015 г. проведение всех следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях) допускается только на основе решения суда.

Комиссия установила нарушение прав адвоката Б. в том, что обыск был проведен следователем в ее жилом помещении без получения постановления суда о разрешении производства обыска, без приглашения представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, а также сопровождался осмотром адвокатских досье.

Комиссия рекомендовала адвокату обратиться с заявлением в следственный комитет о возбуждении уголовного дела в отношении следователя.

II. Обращения, в которых Комиссией не установлено нарушений профессиональных прав адвокатов

1. Рассмотрение дела в отсутствие адвоката – представителя потерпевшего, не является нарушением его профессиональных прав.

Адвокат Т. обратился в комиссию, сообщив, что считает нарушением профессиональных прав, в частности тот факт, что суд не отложил судебное заседание 16 ноября 2021 года, проведя его в отсутствие Т., представлявшего потерпевшую К., несмотря на предупреждение суда об отсутствии по уважительной причине. Адвокат полагает, что в результате он не смог реализовать свое право задать вопросы эксперту и свидетелям, допрошенным в судебном заседании.

Как установлено Комиссией, адвокат Т. своевременно известил суд о заболевании коронавирусной инфекцией, просил отложить разбирательство дела. Данное ходатайство поддержала в заседании 16 ноября 2021 года доверитель – потерпевшая К. Суд, после обсуждения ходатайства, пришел к выводу о возможности рассмотрения дела при неявке представителя потерпевшего.

Комиссия полагает, что профессиональные права адвоката Т. не были в данном случае нарушены по следующим причинам.

Федеральный законодатель различным образом определил объем прав и степень обязательности участия в судебном разбирательстве адвоката-защитника и адвоката, представляющего интересы потерпевшего, что

корреспондирует суду обязанность обеспечивать, прежде всего, присутствие в судебном заседании защитника.

Так, из содержания части 2 статьи 248 УПК РФ, следует, что при неявке защитника и невозможности его замены судебное разбирательство откладывается. Согласно части 3 статьи 50 УПК РФ, замена защитника производится при неявке приглашенного защитника в течение 5 суток, в этом случае суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника.

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 249 УПК РФ, судебное разбирательство происходит при участии потерпевшего и (или) его представителя; при неявке потерпевшего суд рассматривает уголовное дело в его отсутствие, за исключением случаев, когда явка потерпевшего признана судом обязательной.

Таким образом, адвокат – представитель потерпевшего не выступает в качестве обязательного участника судебного процесса. Употребленная в вышеприведенной норме дизъюнкция не является строгой, что подчеркивает возможность реализации прав самим потерпевшим, его представителем, или потерпевшим совместно с представителем.

Как следует из протокола судебного заседания, вопрос о возможности рассмотрения дела в отсутствие адвоката Т. был поставлен на обсуждение председательствующим, то есть положения части 2 статьи 249 УПК были соблюдены. Комиссия при этом отмечает, что не только защитник и подсудимый, но даже участники со стороны обвинения – Б.С., А., и Б.Н. не возражали против рассмотрения дела при данной явке.

В судебное заседание 16 ноября 2021 года явились для допроса эксперт и два свидетеля, отложение рассмотрения неизбежно повлекло бы для них необходимость повторной явки, в связи с чем, принятое судом постановление представляется Комиссии, как минимум, не произвольным.

Комиссия отмечает, что адвокат Т. со своей стороны мог принять и другие требуемые меры для реализации позиции доверителя по делу, например, сообщить список вопросов доверителю, другим участникам стороны обвинения. Существовала и возможность, с учетом наличия временного промежутка, пригласить другого адвоката для участия в одном заседании суда.

2. Обращение бывшего доверителя в орган предварительного расследования с заявлением о привлечении адвоката к уголовной

ответственности не свидетельствует о факте нарушения профессиональных прав адвоката.

В Комиссию поступило обращение адвоката У. о предполагаемом нарушении её профессиональных прав при следующих обстоятельствах.

В следственный отдел СУ СК России поступило заявление учредителя ООО с требованием о привлечении адвоката У. к уголовной ответственности по статьям 159 и 303 УК РФ. Заявитель утверждала, что адвокат У. якобы получила от неё наличную денежную сумму за оказание юридической помощи, которую впоследствии адвокат не оказала. Кроме того, ООО якобы необоснованно перечислило на счёт адвоката У. денежную сумму, в связи с чем было подано исковое заявление о взыскании этой денежной суммы. В ходе рассмотрения гражданского дела адвокат У. представила в суд оригиналы соглашений об оказании юридической помощи. В результате проведения комплексной почерковедческой экспертизы было установлено, что часть представленных адвокатом соглашений была подписана не генеральным директором ООО, а другим лицом.

В ходе проверки заявления следователь вызвал адвоката У. для получения объяснений. Адвокат У. явилась к следователю, дала исчерпывающие объяснения об обстоятельствах оказания юридической помощи ООО по многочисленным делам этой организации, а также указала на лиц, которые могли подтвердить сообщённые ею сведения. Впоследствии указанные лица также были опрошены следователем.

По итогам проверки следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом следователь не усмотрел в действиях заявителя – учредителя общества, признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 306 УК РФ.

Комиссия пришла к выводу, что оспаривание доверителем действий адвоката в уголовно-процессуальном порядке затрагивает личные и имущественные права адвоката, не нарушая при этом его профессиональные права.

Комиссия установила отсутствие факта нарушения профессиональных прав адвоката У. и рекомендовала обжаловать в порядке, предусмотренном УПК РФ, постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 306 УК РФ.

3. Несение адвокатом обязанностей должника в исполнительном производстве не может являться нарушением его профессиональных прав.

В Комиссию обратилась адвокат Р. (на момент рассмотрения обращения статус адвоката прекращен) о предполагаемом нарушении ее профессиональных прав.

В своем обращении Заявитель сообщила о том, что является должником в исполнительном производстве, возбужденном на основании судебного решения, вынесенного в 2017 году по спору между ней и ее бывшим доверителем. Судебное решение она ранее исполнила, но судебным приставом-исполнителем вновь арестованы ее имущество и банковские счета, так как в 2020 году апелляционная инстанция решение суда изменила, и сумма взыскания увеличилась. Считает судебные решения, вынесенные в 2019-2020 годах, незаконными, потому что не получала судебные повестки о вызове в судебные заседания, и вынесенными в результате, в том числе, «осуществления служебного подлога во время пандемии».

Заявитель попросила провести: служебную проверку на предмет законности представления интересов Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов в судебных процессах адвокатом З. с приостановленным статусом, проверку поступления денежных средств, полученных от доверителя по квитанции на счета Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, проверку по жалобе доверителя в квалификационную комиссию в 2016 году.

Комиссия установила, что Р. являлась ответчиком в гражданском деле по иску ее доверителя к Р. и адвокатской консультации, в которой Р. состояла.

Решением суда в 2017 году с Р. и адвокатской консультации в пользу доверителя взысканы денежные средства. Решение вступило в законную силу.

В 2019 году решение было обжаловано Санкт-Петербургской городской коллегией адвокатов, в структуре которой находилась адвокатская консультация. Интересы Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов представлял адвокат З. Апелляционная инстанция решение отменила и приняла новое решение, которым взыскала с Р. в пользу ее доверителя все денежные требования доверителя, в удовлетворении же исковых требований доверителя к Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов отказала.

Комиссия также установила, что адвокат З. действительно принимал поручение на представление интересов Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов в гражданском деле. На момент участия в судебных заседаниях в указанном деле он обладал действующим статусом адвоката, доверенность, выданная Санкт-Петербургской городской коллегией адвокатов, была действительной. Дисциплинарное производство в отношении Р. по заявлению ее доверителя уничтожено в связи с истечением срока хранения.

Оценив доводы обращения и представленные материалы, Комиссия пришла к выводу об отсутствии нарушений профессиональных прав адвоката. Так, Р. не указала на наличие каких-либо препятствий к осуществлению профессиональной деятельности, возникших вследствие рассмотрения вышеуказанного судебного спора, или возбуждения исполнительного производства. Не установлено таких обстоятельств и Комиссией.

Несение в исполнительном производстве обязанностей должника от своего имени не относится к профессиональным правам адвоката. В рассматриваемой ситуации имел место гражданско-правовой спор между Р. и ее бывшим доверителем, а доводы обращения Р. фактически сводятся к оспариванию законности принятых судебных актов. В компетенцию Комиссии не входит оценка судебных актов, законности действия органов принудительного исполнения, а также проверка финансовой деятельности коллегий адвокатов и правомерности принятия решений Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

В связи с вышеизложенным, Комиссия установила отсутствие факта нарушения профессиональных прав адвоката Р., в связи с чем не имеется оснований для принятия мер реагирования, предусмотренных Положением о Комиссии.

4. Действия следователя после заявленного в письменной форме отказа от защитника не нарушают профессиональные права адвоката, с которым было расторгнуто соглашение.

Адвокат Л. обратился в Комиссию, сообщил, что осуществлял защиту Л-ва, по уголовному делу, находившемуся в производстве следователя Х. При свидании в СИЗО 19.09.2022 года Л-ва отказался от его услуг, сообщив, что заключил соглашение с адвокатом Н. Впоследствии, в ходе проверки прокуратурой г. Санкт-Петербурга действий следователя Х., та заявила, что Л-в отказался от услуг адвоката Л. не до, а во время предъявления ему обвинения.

Адвокат Л. полагает, что сообщённые следователем обстоятельства не соответствуют действительности, так как с его участием или в его присутствии никаких следственных либо процессуальных действий не проводилось, доводы следователя являются дискредитирующими, могут свидетельствовать о фальсификации процессуальных документов, влекут нарушение его профессиональных прав, выразившееся в предоставлении недостоверных сведений в органы прокуратуры.

Как установлено Комиссией, до начала следственных действий в следственном кабинете ФКУ СИЗО № 1 УФСИН России по

г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области Л-в отказался от услуг защитника Л., в связи с чем адвокат Л. с этого момента более не осуществлял его защиту и покинул следственный изолятор.

Несмотря на то, что Л-в заявил о необходимости вызова адвоката Н., с которой заключил соглашение на защиту, следователь Х. назначила в порядке ст. 50 УПК РФ защитника Ц., от которого Л-в также отказался в связи с заключением им соглашения с адвокатом Н. Узнав о том, что Л-вым заключено соглашение с другим адвокатом, приглашённый в порядке ст. 50 УПК РФ, адвокат Ц. покинул следственный кабинет изолятора.

В результате проверки, проведённой прокуратурой г. Санкт-Петербурга по жалобе адвоката Н., данные действия следователя Х. были признаны нарушающими право Л-ва на защиту при выполнении с ним следственных действий в связи с необоснованной заменой защитника по соглашению на адвоката, назначенного в порядке ст. 51 УПК РФ, в связи с чем прокуратурой города в адрес руководства ГСУ направлено требование об устранении нарушений федерального законодательства.

Комиссия вместе с тем полагает, что профессиональные права адвоката Л. не были в данном случае нарушены по следующим причинам.

В соответствии с ч. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, при этом согласно ч. 1 ст. 52 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Такой отказ допускается только по инициативе подозреваемого или обвиняемого, отказ от защитника заявляется в письменном виде.

Профессиональными правами адвоката признаются предусмотренные законом и иными нормативными актами правовые возможности, которые реализуются адвокатами в интересах доверителей при осуществлении профессиональной деятельности.

Под нарушениями профессиональных прав адвокатов следует понимать любые действия (бездействие) и решения должностных и иных лиц, которые каким-либо образом препятствуют адвокатской деятельности, приводят к нарушениям гарантированного законом права на получение доверителями квалифицированной юридической помощи.

Для установления нарушения факта профессиональных прав конкретного адвоката следует помимо констатации случая нарушения закона, проверить наличие последствий в виде создания каких-либо препятствий для осуществления адвокатской деятельности.

Указания на наличие таких препятствий Заявителем не приведены, не усматривает их и Комиссия.

В силу вышеуказанных правовых норм Заявитель как защитник оказывал профессиональную правовую помощь на основании соглашения, заключённого с доверителем. Отказ подзащитного от помощи защитника, заявленный в соответствии с законом в письменном виде, повлёк расторжение соглашения (по воле доверителя), следовательно, прекратились и обязательства сторон, в частности, оказание правовой помощи со стороны адвоката.

Какие-либо негативные правовые последствия для адвоката Л. в результате вышеуказанной ситуации не наступили. Сообщение следователем Х. недостоверных сведений, не повлекло для Л. возникновения каких-либо обязанностей, не требует от него совершения дополнительных действий, никаким образом не препятствует ему в осуществлении профессиональной деятельности.

5. Оказание правовой помощи юридическому лицу по соглашению с ним, само по себе не предполагает наличия поручения на защиту его руководителя по уголовному делу, если иное прямо не предусмотрено в предмете соглашения.

В Комиссию обратился адвокат Д., который сообщил, у него заключено соглашение на оказание юридической помощи гаражно-строительному кооперативу. С адвокатом Д. по телефону связался следователь и сообщил, что у него в кабинете находится гражданин П. (председатель ГСК), который попросил следователя связаться с адвокатом Д. в связи с привлечением П. к уголовной ответственности по ст. 204 УК РФ.

Адвокат направился по указанному следователем адресу, но, несмотря на длительное ожидание в помещении следственного отдела к задержанному Доверителю адвокат допущен так и не был.

Далее адвокату стало известно о проведении с П. ряда следственных действий с участием адвоката по назначению.

Адвокат попросил Комиссию оценить его действия и проверить их на наличие нарушений, а также дать ему рекомендации как именно он должен был поступить в такой ситуации, каким образом получить доступ к доверителю и сопровождать его в ходе следственных действий.

Рассмотрев обращение, Комиссия установила отсутствие факта нарушения профессиональных прав адвокатов, отметив следующее.

Согласно части 1 статьи 49 УПК РФ, лицом, осуществляющим в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, является защитник. Следовательно, адвокат для осуществления таких полномочий должен был являться защитником в предусмотренном УПК РФ смысле. Между тем, адвокат Д. процессуальной ролью защитника, как на момент предполагаемого нарушения, так и позднее не обладал.

Так, предмет заключенного сторонами соглашения сформулирован следующим образом: «Доверитель поручает, а Адвокат, имея специальные познания, принимает на себя обязательство оказать Доверителю, иным определенным Доверителем физическим и юридическим лицам, квалифицированную юридическую помощь, выраженную в виде консультации по вопросам применения права, подготовки и толкования проектов документов, формирования позиции, участия в качестве адвоката в ходе следственных действий, толкования и разъяснения норм права, включая его специальные отрасли, в т.ч. нормы корпоративного регулирования, законодательства о банкротстве, налогообложении и пр., в рамках которых Адвокат обладает специальными познаниями и квалификацией». Согласно пункту 1.2 Соглашения: «В случае необходимости, при дополнительном согласовании Доверителя и Адвоката, которое может быть достигнуто в устном и письменном виде или путём выдачи соответствующей доверенности, Адвокат, единолично или совместно с другими представителями Доверителя, осуществляет представительство Доверителя, единоличного и коллегиального исполнительного органа Доверителя иных, определённых такими органами лиц, в ходе судебного разбирательства в гражданском и уголовном суде, арбитражном суде всех инстанций, любых иных спорах и в ходе следственных действий и иных аналогичных случаях перед третьими лицами, в порядке и на условиях, определённых настоящим Соглашением, и дополнительными соглашениями к нему».

Комиссия отметила, что данные пункты Соглашения носят достаточно абстрактный характер, и предмет Соглашения в части «участия в качестве адвоката в ходе следственных действий» явно требует уточнения и дополнительного согласования как в части указания на лицо, которому будет оказываться юридическая помощь, так и в части указания на конкретный правоохранительный орган, в котором Доверителю оказывается юридическая помощь.

УПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предусматривают возможность устного согласования предмета поручения между доверителем и адвокатом (в том числе в части указания на лицо, которому будет оказываться юридическая помощь).

Отдельного соглашения на оказание юридической помощи (то есть на защиту П.) адвокат не заключал, ордер на защиту адвокатом Д. также не выписывался. Таким образом, адвокат Д. защитником П. не являлся. При таких обстоятельствах Комиссия пришла к выводу, что профессиональные права адвоката Д. нарушены не были. Вопросы предполагаемых нарушений следователем прав задержанного П., включая приглашение ему защитника по назначению, к компетенции Комиссии не относятся.

III. Обращения, в которых Комиссией установлено нарушение интересов адвокатского сообщества

1. Претензии «о намеренном введении суда в заблуждение», высказанные судьей в адрес адвоката, пусть и не являются сами по себе нарушающими его профессиональные права, но посягают на принцип независимости адвокатуры.

В Комиссию обратилась адвокат К., сообщив, что мировой судья судебного участка №130 мировых судей Санкт-Петербурга Рысюк В.Ю. высказала в адрес К. претензии о намеренном введении ею суда в заблуждение относительно отсутствия судимостей у её подзащитного. В материалах уголовного дела при этом сведений о судимости доверителя К. не имелось, а вопрос об их наличии или отсутствии не задавался ни самой К., ни подсудимому.

Указанные претензии были высказаны судьёй в адрес К. в отсутствие её подзащитного, а равно каких-либо иных участников процесса. Заявитель также не указывала, что данный случай создал какие-либо препятствия в осуществлении ею профессиональной деятельности. В связи с этим Комиссия пришла к выводу, что высказывание судьёй претензий о намеренном введении адвокатом суда в заблуждение путём умолчания о факте судимости доверителя само по себе не направлено на создание препятствий адвокатской деятельности, на нарушение права доверителей адвоката на квалифицированную юридическую помощь.

Вместе с тем Комиссия отмечает, что государственные органы и должностные лица, в производстве которых находится уголовное дело, не вправе ожидать от адвоката раскрытия сведений о его доверителе, в том числе

и тогда, когда установление таких сведений входит в их компетенцию. Соответственно, не могут быть признаны состоятельными и претензии к адвокату, не сообщившему суду о наличии судимости у его доверителя; судья же, являясь профессиональным участником уголовного процесса, не может расценивать такое бездействие адвоката, обоснованное необходимостью сохранения адвокатской тайны, как противоправное. Более того, высказывание такого рода претензий в адрес К. пусть и не является само по себе нарушающим её профессиональные права, но создает угрозу основополагающему принципу независимости адвокатуры.

Таким образом, комиссия установила факт отсутствия нарушения профессиональных прав адвоката К. в факте высказывания мировым судьей судебного участка №130 Санкт-Петербурга Рысюк В.Ю. претензий о намеренном введении ею суда в заблуждение путем умолчания о факте судимости доверителя. Комиссия признала недопустимой оценку судьей в качестве противоправного деяния бездействие адвоката в форме умолчания о факте судимости доверителя, как посягающей на основополагающий принцип независимости адвокатуры, умаляющей ее авторитет.

2. Действия налогового органа по взысканию с коллегии адвокатов недоимки по налогам и штрафа не являются нарушением профессиональных прав адвокатов – членов коллегии. При этом возможность обращения взыскания на все денежные средства на счете коллегии, без учета прав требования адвокатов, признана угрозой правам сообщества.

Адвокат Л. обратился в Комиссию и сообщил, что из-за допущенной бухгалтерией ошибки налоговый орган выставил коллегии, в которой он состоит, требование о доплате НДС. Банком со счета коллегии были списаны средства в погашение этого требования. В результате чего коллегия не смогла выплатить адвокатам гонорары в установленный срок. Нарушение Л. видит в том, что налоговый орган под видом «собственных средств коллегии» списал «денежные средства адвокатов».

Комиссия пришла к выводу, что факт нарушения профессиональных прав адвокатов коллегии действиями налогового органа не подтвердился. Довод о том, что банком были списаны денежные средства не самой коллегии, а именно адвокатов, основан на неправильном толковании заявителем положений действующего законодательства, в том числе, допущенном им смешении институтов вещного и обязательственного права.

Поскольку по договору банковского счета коллегия является клиентом банка и владельцем счета, то согласно положениям части 4 статьи 845 Гражданского кодекса РФ, именно она обладает правами на денежные средства, находящиеся на банковском счете (права требования к Банку). Правами собственности или распоряжения указанными денежными средствами адвокаты (члены коллегии) не обладают.

С момента исполнения доверителем обязанности по перечислению денежных средств на счет адвокатского образования, обязанность выплаты гонорара адвокату возникает у коллегии после выполнения определенных процедур, например, подачи адвокатом отчета, производства коллегией необходимых удержаний. При этом право адвоката, как члена коллегии, на получение от коллегии гонорара относится к обязательственным правам, являясь разновидностью права требования.

Несостоятельным с правовой точки зрения является и предположение Л. о возможности наличия у коллегии адвокатов так называемых «собственных средств». Действующее законодательство предполагает наличие таких средств у коммерческих организаций и лишь в исключительных случаях – у некоммерческих. Так, например, законодатель регулирует вопросы собственных средств банков, страховых компаний, негосударственных пенсионных фондов. Вместе с тем, как общие положения гражданского законодательства, так и специальные, регулирующие деятельность адвокатских образований, понятия «собственных средств» применительно к коллегии адвокатов не содержат.

В данном случае невозможность выплаты адвокату гонорара возникла исключительно из-за сочетания двух факторов: допущенной бухгалтером коллегии ошибки, а также отсутствия достаточных средств на банковском счете коллегии для одновременного исполнения обязанностей перед фискальным органом и перед членами коллегии. Оба фактора относятся к зоне ответственности коллегии и могли быть легко исключены руководством коллегии при проявлении необходимой степени заботливости и осмотрительности.

Комиссия также отметила, что вступление адвоката в члены адвокатского образования (юридического лица) означает, в частности, сознательное принятие на себя возможных рисков, включая последствия совершения фактических или правовых ошибок органами управления коллегии, как в сфере частного права, так и в публично-правовой области.

Вместе с тем Комиссия соглашается с Л. в том, что существующее правовое регулирование вопросов взаиморасчетов коллегий с государственными (фискальными) органами, а также коллегий и адвокатов не

является совершенным, поскольку в результате обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на банковском счете коллегии, может возникнуть ситуация, при которой обязанность коллегии по перечислению адвокатам гонораров будет существенно затруднена.

Согласно положениям части 3 статьи 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» допускается возможность обращения взыскания на все средства, находящиеся на банковском счете коллегии, без учета наличия прав требования адвокатов к самой коллегии по выплате гонораров, компенсации расходов и прочего.

Данное обстоятельство создаёт реальную угрозу нарушения интересов адвокатов, состоящих в коллективных адвокатских образованиях, состоящую в затруднительности реализации их профессионального права на получение вознаграждения (гонорара), когда в результате обращения взыскания на имущество коллегии, остаток средств на счете недостаточен для удовлетворения всех законных требований.

Это связано, в первую очередь, с отсутствием законодательного регулирования понятия «собственных средств» на банковском счете коллегии, отличных от тех средств, которые предназначены для выплаты коллегией гонораров адвокатам, компенсации расходов, уплаты налогов. В случае законодательного разделения таких средств, по аналогии, например, с негосударственными пенсионными фондами, можно было бы избежать угрозы нарушений профессиональных прав адвокатов в части беспрепятственного и своевременного получения вознаграждения за оказанную юридическую помощь, и прочих выплат.

Данный вопрос передан в комиссию Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по продвижению законодательных инициатив в сфере социальных и профессиональных прав адвокатов.